Портрет русского города

Послушайте на заре, о чем поет сегодня Смоленск, и вы поймете: наши города нельзя стереть с лица земли.

Первыми запевают трамваи. Они бегут по городу, везут плотника туда, где ждет его топор, каменщика — к кирпичу и цементу. Вот вступают в хор звонкие дисковые пилы. Совсем близко, за углом, запел электромотор, и поплыла, качаясь, железная балка — на самый верх строящегося большого кирпичного дома.

Войдемте в этот дом. Он почти готов. Уже установлены детали лестницы — их привезли сюда с «делового двора». Строители восстанавливают Смоленск индустриальным методом. «Деловой двор» — это завод, где изготовляют железобетонные конструкции лестниц и перекрытий, стропила, оконные и дверные переплеты. Вы поднимаетесь по лестнице, которую собрали и установили за два дня. Она уже жиет, гулко повторяет ваши шаги и слова. Раньше такую лестницу строили на месте. Это отнимало полтора месяца.

Справа и слева — будущие квартиры. Здесь работает штукатур коммунист Иван Тарасович Бруховецкий. Помогают ему комсомольцы Петя Черепнев и Виктор Даненков. Они набрасывают на стену слой штукатурки. Вы не увидите в руках мастера «соколка» — старинного инструмента штукатуров. Его заменил инструмент стахановца — совок Ильюхина.

Вверху, где кончается лестница, каменщики из бригады отличного качества доводят стену. Михаил Григорьевич Говядин, лучший каменщик города, и его пятнадцатилетний сын Женя вместе с комсомольцами Сашей Пичкуровым, Толей Лаврушиным и Мишей Лопушенко быстро укладывают кирпичи. К ноябрю дом будет готов.

С самого верхнего яруса хорошо видна вся Большая Советская улица, залитая асфальтом — новая, восстановленная. Вдали, на площади, в решетке лесов — здание кинотеатра. Здесь будут два зрительных зала по 500 мест в каждом. Дальше, куда ни посмотришь,— леса, леса, штабеля досок и кирпича. Над улицами и площадями по крышам рассыпается четкая дробь — это деревянные молотки кровельщиков заканчивают то, что начинали вчера каменщики, штукатуры, плотники, столяры...

В центре города, в сквере, стоит памятник знаменитому земляку смоляну Михаилу Ивановичу Глинке. Литая ограда повторяет мысли композитора: это не ограда, а нотные линейки, на которых записаны чугунными знаками знакомые каждому из нас мотивы «Руслана и Людмилы», «Ивана Сусанина».

Сквер пересечен дорожками. По одной из них с утра до вечера движется поток торопливых пешеходов. Все они идут к трехэтажному белому дому. В дни Великого Октября здесь помещался Совет рабочих и солдатских депутатов. Отсюда большевистский штаб руководил вооруженным восстанием в Смоленске. Сейчас в этом доме работает городской Совет — боевой штаб восстановления и строительства города.

В отделах исполкома вы можете получить сводки с фронта работ. Восстановлен полностью уничтоженный немцами городской водопровод. Уже проложено 120 километров труб — на десять километров больше, чем было до войны. В телефонную сеть города включены три тысячи аппаратов. Смоленск не испытывает нужды в электроэнергии — лимиты и ограничения сняты. Смоляне — жители землянок—переезжают в новые, благоустроенные дома. За девять месяцев этого года справили новоселье 6.200 человек.

На каждом шагу мы видим в Смоленске, как претворяется в жизнь великий план восстановления.

Проходя по возрожденной улице имени Крупской мимо одноэтажного белого домика, смоляне замедляют шаг, подолгу смотрят на невысокие стены, на простую дверь. Здесь летом девятнадцатого года жил член Реввоенсовета Западного фронта товарищ Сталин, посланный в Смоленск Центральным Комитетом партии для организации отпора польскому наступлению.

Вы — у льнокомбината, текстильного гиганта, разбитого и сожженного немцами. Но разве можно сжечь, вычеркнуть из памяти гордость и славу древнего русского города? Когда наша армия выбила немцев из Смоленска, на пепелище комбината пришли ткачихи. Многие даже поселились здесь, в разбитых цехах. Смоленские искусницы, те, что до войны прославили комбинат тонкими полотнами, узорчатыми скатертями, стали учиться плотничному, штукатурному и кровельному делу. Ткачиха Мария Цыганкова стала бригадиром кровельщиц-ткачих и удивила опытных строителей — первой научилась укладывать пенобетон. Пять с половиной тысяч квадратных метров пенобетонной кровли, и все отличного качества!

— Они, ткачихи, привыкли к чистой работе и эту чистоту перенесли на стройку,— говорили рабочие-кровельщики, следя за быстрыми и умелыми движениями девушек.

Уже дрожит, гудит, как до войны, бывший ватерный цех. Комбинат работает! Ткань идет! Пока это простая суровая ткань. Это лишь небольшая часть довоенной мощности. Но все строители с радостью прислушиваются к первым ударам согретого ими сердца. Скоро девушки из бригады Маши Цыганковой снимут забрызганную известью спецовку. Не пенобетон — белые метры тонкого полотна подарят нам их искусные руки.

Город шумит. Вот по площади бежит трамвайный вагон. Кондуктор Клава Колесникова продает билеты. Если вы — новичок в городе, она поможет вам: «Обувная фабрика? Сойдите на следующей остановке, третий дом от угла».

А вот и обувная фабрика. Она недавно восстановлена. Вы можете увидеть здесь, как работает Маша Козлова, бригадир комсомольской бригады столовников. В руке у нее острый, как бритва, нож, рядом — запасной. Кусочки кожи — союзки, задники, носки — так и летят из-под ее маленьких сильных, как у музыканта, пальцев. В этой пятилетке Маша выполнила уже восемь с половиной годовых норм. Через ее руки прошло около ста тысяч пар обуви.

Рядом с фабрикой — недавно восстановленный шестиэтажный жилой дом. Во дворе стоят грузовики. Люди вносят в под'езд стулья, матрацы, комнатные цветы. С новосельем, товарищи! Можно войти в этот дом, открыть наобум любую дверь — новоселы отличаются особым гостеприимством. В этой, например, комнате жильцы, как на подбор,— пионеры. Девочка лет одиннадцати затеяла генеральную уборку — моет пол. На кровати сидит ее сестра, рассматривает картинки в букваре. Ей запрещено спускаться на пол. Еще одна девочка, с большим красным галстуком на груди, чистит картошку. На плите стоит высокая кастрюля. Сразу видно: семья у этой хозяйки большая.

— Учишься, девочка?

— В третьем классе, только что из школы пришла.

— А где же ваша мама, ребята?

— Мама на работе. Мама у нас печник.

— А папа?

— Папа с фронта не вернулся.

— Давно вы переехали сюда?

— Вчера. Мы жили в стене. На Тимирязевской улице.

— Как это — в стене?

— А в амбразуре. Видели стену? Старинная крепость, с бойницами. Там нас много жило. Почти весь наш дом...

Сложенная из старинного малинового кирпича, стена эта пересекает весь город. Временные жильцы покинули ее амбразуры и башни. Теперь это — памятник, напоминающий смолянам о древней доблести их города. Под этой стеной стояло когда-то польское войско короля Сигизмунда III. Двадцать месяцев вел Сигизмунд осаду. Герои-смоляне дали нижегородцам Минину и Пожарскому время собрать силы для помощи Московскому государству в борьбе с захватчиками-иноземцами. Незримые нити многовекового единства нашего народа, верности своей Родине соединяют эту стену со старинными стенами Кремля.

В холодный солнечный день здесь можно увидеть группу экскурсантов. Это студенты педагогического или медицинского института, учителя или школьники. Экскурсовод ведет их вдоль стены к тихому Кутузовскому садику. Здесь, как и везде, осень. Бронзовый бюст фельдмаршала встречает молодых смолян. Позади бюста — памятник. Высокая скала. К орлиному гнезду на ее вершине подбирается с мечом в руке иноземец в военных доспехах. Два орла встречают врага. Один, распустив крылья, прикрыл гнездо, другой вонзал мощные когти в руку захватчика. Скоро, скоро эта рука выронит меч.

— Скала — это твердыня России,— поясняет экскурсовод.— Гнездо орлов — Смоленск. Здесь небольшие отряды Неверовского, Дохтурова и Раевского отбивали в двенадцатом году атаки французов, прикрывая соединение и отход двух русских армий — Багратиона и Барклая.

Здесь же, в Кутузовском садике, у старой стены похоронены герои легких боев сорок третьего года — освободители Смоленска. Обнажив головы, проходят смоляне по усыпанной песком дорожке мимо тридцати семи надгробных плит. На фоне древней стены еще ярче выступают русские имена, совсем недавно высеченные в граните.

А вокруг шумит трудовой день.

Зажигаются на улицах цепочки огней. В девять вечера открывается занавес областного драматического театра. Наступило рабочее время для артистов. Но это только нам, зрителям, кажется, что работа артистов начинается с открытия занавеса. Приходите в театр завтра утром — и вы увидите этих же артистов на сцене. Идет репетиция. Премьеру пьесы «За вторым фронтом» театр покажет смоленским зрителям 7 ноября. В другом зале свободные от репетиций актеры повторяют роли из «Анны Карениной». Этот спектакль тоже будет готов в ноябре.

Рабочий Смоленск отдыхает, закончив дневную смену. Вторая смена поднимается на леса, ведет освещенные вагоны трамвая, следит за стрелками приборов на электростанции. Ярко светится стеклянная стена операционной в хирургической клинике. Профессор Алексей Алексеевич Оглоблин следит за работой молодых врачей — выпускников медицинского института...

Все это — облик города. Он соткан из всего лучшего, что заложено в характере его жителей. Тех, кто складывал город по кирпичу, отбивал удары его врагов, а сегодня строит, творит, делает смелые заявки на завтра.

Вл. ДУДИНЦЕВ.

Смоленск.